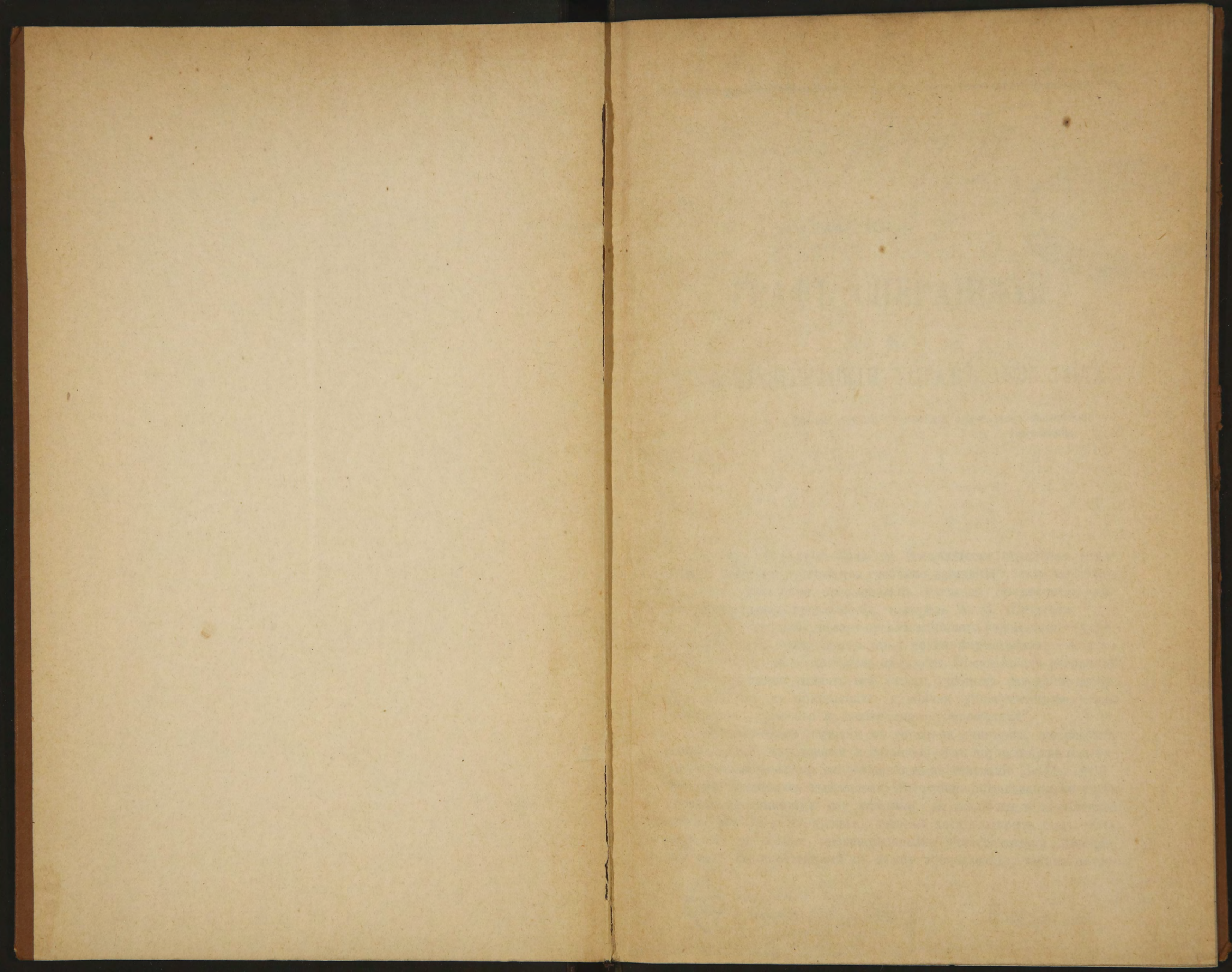

13826.

13826

Вестн. К
Европы

1894, IV

Кочубинский А.

ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ

и

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ УСТАВЪ 1835 ГОДА.

„Уставы сочиняются не для одного лица настоящего“...
Сперанскій.

78373

I.

14 мая 1826 года былъ по Высочайшему повелѣнію образованъ „Комитетъ устройства учебныхъ заведеній“; такъ онъ былъ тогда же упрощенно проименованъ согласно предложенію министра народнаго просвѣщенія, адмирала А. С. Шишкова.

Задача или цѣль новаго организаціоннаго учрежденія, — учрежденія первыхъ, такъ сказать, дней новаго царствованія, — повидимому, весьма точно обозначалась въ самомъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя министра: сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ и кончая университетами — для интересовъ „должнаго и необходимаго единообразія“.

Университетами имперіи въ то время считались: московскій, петербургскій, харьковскій и казанскій, изъ которыхъ три послѣдніе возникли только въ минувшее тогда царствованіе (1819, 1805). Всѣ они управлялись отдѣльными, Высочайше пожалованными учредительными грамотами или уставами, не исключая и нынѣшняго юрьевскаго (тогда дерптскаго), который хотя и открытъ былъ одновременно съ обоими провинціальными университетами имперіи, но, какъ бы иностранный по языку преподаванія, такимъ не по-

39

Библиотека МАН ФУН 1894

28070

читался и потому не входилъ въ кругъ вѣденія и заботъ организационнаго комитета 14 мая. Старшій университетъ, въ Вильнѣ, при тогдашнихъ особыхъ политическихъ условіяхъ по языку былъ также какъ бы иностранный. Въ четырехъ русскихъ университетахъ, по смыслу Высочайшаго рескрипта министру, прежнія отдѣльныя учредительныя грамоты должны были смѣниться однообразнымъ общимъ уставомъ, строй ихъ жизни—объединиться. Объявленная неприкосновенною организація дерптскаго университета въ возникшемъ государственномъ вопросѣ по преобразованію университетовъ, при его обсужденіи, имѣла весьма незначительное примѣненіе, какъ это увидимъ на своемъ мѣстѣ.

Самый составъ комитета 14-го мая былъ довольно значителенъ и не безъ нѣкотораго разнообразія: въ немъ о-бокъ съ людьми государственными и административной службы нашла для себя мѣсто, хотя скромное, и наука. Подъ предсѣдательствомъ министра Шишкова, комитетъ составили: Сперанскій, Уваровъ, гр. Ламбертъ, гр. Ливень, гр. Сиверсъ, харьковскій попечитель Перовскій (Погорѣльскій), братъ его, флигель-адъютантъ, гр. Строгоновъ, будущій знаменитый московскій попечитель, и академикъ Шторхъ. Отъ комитета требовалась быстрота дѣйствій, но эта быстрота затянулась на цѣлыхъ десять лѣтъ. Очевидно, не такъ легко было разрѣшить тяжелый университетскій вопросъ, какъ это предполагалось въ началѣ.

Не трудно видѣть, что препорученіе „единообразія“ касалось внѣшней, второстепенной стороны дѣла. Ею не могъ исчерпываться университетскій вопросъ. Подъ желаннымъ „единообразіемъ“ должно было пониматься нѣчто болѣе существенное—однообразіе системы, науки, самого преподаванія въ университетахъ.

Извѣстно, что болѣе или менѣе общее недовольство, распатанность въ умахъ, искавшихъ новыхъ условій жизни,—явленіе, нерѣдко повторяющееся въ нашей новой исторіи,—все это отмѣчало послѣдніе годы предшествовавшаго царствованія Александра I. Извѣстно также и то, что корня тревожнаго состоянія общественной мысли искали и по желанію находили въ университетѣ, въ его наукѣ, преподаваніи. Необходимымъ слѣдствіемъ такого взгляда были преувеличенныя полицейскія попытки измѣнить оборотъ умственной жизни. Вполнѣ естественно, что если онѣ только сильнѣе утверждали общее распатанное состояніе, то и дѣло университетовъ болѣе и болѣе проигрывало. Но прежде чѣмъ пойти дальше и разяснить условія, которыя привели къ необходимости образованія комитета 14 мая, чтобы достигнуть, наконецъ, прочности и постоянства въ мѣстѣ опустошенія и заустѣнія, мы предварительно спросимъ

себя: были ли мы тогда въ этомъ взглядѣ на университетскую науку, какъ источникъ всяческаго зла, сколько-нибудь самостоятельны, оригинальны?

Нѣтъ; мы лишь вторили съ чужого, нѣмецкаго голоса: явленія современной нѣмецкой жизни университетовъ Германіи мы искали у себя и легко находили.

Предъ нами были тогда первые годы священнаго союза, „союза братскаго и христіанскаго“, какимъ его величали и какимъ его желалъ именно видѣть его знаменитый виновникъ, императоръ Александръ I. Задача политики членовъ „единой семьи“, обязавшихся взаимною помощью—обезпечить умиротвореніе умовъ, расшатанныхъ французскою революціей и войнами Наполеона, охранить общественный строй, который возвращенъ былъ столь дорогою цѣною, и охранить то зданіе, „каждый камень котораго былъ, вмѣсто цемента, смазанъ кровью“,—выраженіе дѣятельнаго современника, трудолюбиваго, но недалновиднаго политика, А. Стурдзы ¹⁾.

Искренніе участники союза были далеки отъ всякаго подозрѣнія, что, быть можетъ, и революція, и кровавыя войны укрощеннаго „тирана“, оставили по себѣ и добрыя зерна въ тѣхъ самыхъ европейскихъ обществахъ, которыя были только-что спасены отъ тираніи совокупными дѣйствіями союзниковъ, и что зерна эти крѣпко засѣли въ умахъ. Но другіе были иного вѣрованія. „Съ момента заключенія знаменитаго акта 14 сентября 1815 года“ ²⁾, религіозное и политическое лицемѣріе, — свидѣтельствуется самъ Стурдза, было въ нѣкоторыхъ кабинетахъ лозунгомъ дня“ ³⁾. „Люди власти, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — приняли актъ Союза съ улыб-

¹⁾ Oeuvres posthumes. Paris, 1859, p. 350. Стурдзы мы будемъ касаться и ниже. О его трудолюбіи свидѣлствуютъ уже его юные годы; едва достигнувъ 20 лѣтъ, онъ уже писалъ и писалъ трактаты о разныхъ матеріяхъ. А на сколько въ пониманіи жизни, вращавшейся предъ его глазами, онъ былъ близорукъ, видно изъ его житія Іоанна Каподистріи, его друга, перваго президента Греціи, варварски умерщвленнаго тѣми же греками. Стурдза гимнами сопровождаетъ революціонныя дѣйствія грековъ, а для тождественныхъ и современныхъ дѣйствій итальянцевъ, искавшихъ для себя той же свободы, у него одно слово хулы, порицанія. О знаменитой революціи 1820 г. въ Неаполѣ онъ выражается, что она „не имѣла ничего національнаго“ (р. 368), а хартія, исторгнутая испанцами тогда же въ Кадиксѣ, для нашего политика—„talismans dangereux qui renferment un maléfice“ (р. 365), ибо, къ ужасу Австріи, стала идеаломъ для освободительнаго движенія въ Италіи, именно эта знаменитая „испанская конституція“, какъ она называлась тогда. О ней см. „La Question italienne, période de 1814 à 1860“, par G. Giacometti (Paris, 1893), p. 78.

²⁾ День Воздвиженія Честнаго Креста былъ избранъ намѣренно: христіанскій крестъ какъ бы снова возвращался обществу.

³⁾ Стр. 217, въ Воспоминаніяхъ о бар. Штейнѣ.

вою благоговѣнія ¹⁾, т.-е. двусмысленною“. Не будемъ удивляться, если идеальная цѣль новой политики оказалась недостижимой, фантомомъ, вѣчно теряющимся на горизонтѣ; текущая жизнь продолжала бурлить по старому, и прежде всего въ той части умиротворенной и спасенной отъ „ига“ Европы, которая какъ будто наименѣе была тронута французскими идеями, а потому наименѣе, казалось, способна была возражать и оппонировать стремленію священнаго союза въ Германіи. Но именно—какъ будто...

Въ дѣйствительности, мирная Германія, не исключая и Пруссіи, давно освоилась съ идеями французской революціи и пріютила ихъ. Идеи человѣческаго достоинства или политической свободы, національной индивидуальности, разсѣвались вслѣдъ за походами Наполеона и заставляли нѣмцевъ съ мужествомъ сражаться въ рядахъ его войскъ. Нѣмецкіе солдаты бились, какъ природные французы, подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Какъ ни странно это явленіе, но оно понятно: французское вліяніе впервые указало нѣмцу, что и онъ человѣкъ; Франціи нѣмецъ былъ обязанъ, что освободился отъ многихъ десятковъ мелкихъ деспотиковъ разнаго наименованія, свѣтскаго и духовнаго чина, особенно на западѣ и югѣ.

Въ самомъ Берлинѣ революціонная наука Франціи очень рано свила себѣ прочное гнѣздо. Извѣстный австрійскій публицистъ Гентцъ (Gentz), изъ лагеря консервативнаго, враждебнаго Франціи, въ такихъ мрачныхъ чертахъ характеризуетъ духовную атмосферу Берлина, наканунѣ новаго, XIX-го столѣтія.

„Здѣсь, какъ и вездѣ,—пишетъ онъ, 19 января 1799 года, изъ Берлина своему другу, Mollet,—мечты лживой философіи, незнаніе дѣйствительности, необузданное увлеченіе новизною и всего болѣе пустота создали для революціи безконечное число сторонниковъ. Они встрѣчаются особенно въ сословіи литераторовъ, испорченныхъ безуміями и жестокостями вѣка въ мѣрѣ, о которой вы не въ состояніи составить себѣ точнаго представленія; они кишатъ среди гражданскихъ чиновниковъ. Самое высшее дворянство и армія не исключаются отсюда“. Гентцъ указываетъ далѣе, что общественное мнѣніе готово встрѣтить радостью разрушеніе императорскаго австрійскаго дома, какъ „естественнаго врага“ (*ennemie naturelle*) Германіи; что для Берлина „пустъ вся Европа обратится въ развалины, лишь бы только французская директорія и прусское правительство плавали наверху“ ²⁾.

¹⁾ Стр. 349.

²⁾ E. Sayons, Histoire des Hongrois et de leur littérature politique de 1790 à 1815. Paris, 1872, p. 126. Письмо не было издано. Ср. о силѣ вліянія Франціи въ

Въ этой теоріи объ Австріи, какъ естественномъ врагѣ Германіи, нѣмцевъ,—уже нѣсколько просвѣчивается идея нѣмецкаго народнаго единства, но эта идея—связана съ революціей.

То же дѣйствіе и та же Франція, и раньше и позже, производила и въ Венгріи, и въ Италиі—поднимая вопросъ о *національномъ* единствѣ, чувствѣ *народнаго* достоинства.

Казненный въ послѣдствіи, либеральный мадьярскій аббать-дипломатъ, Мартыновичъ, въ 1792 году побывалъ въ Парижѣ и возвратился въ Венгрію, исполненный безграничнаго восторга предъ французской революціей и ея принципами, а на сеймѣ 1790 года уже слышались голоса, требовавшіе повсемѣстнаго введенія мадьярскаго языка. Когда въ 1809 году Наполеонъ разнесъ Австрію, онъ изъ Шёнбрунна, 15 мая, поспѣшилъ обратиться къ мадьярамъ со словами: „Мадьяры! наступила минута возвращенія вашей независимости“ ¹⁾.

Въ Италиі тотъ же Наполеонъ создаетъ впервые итальянское королевство, и когда оно было снесено, онъ изъ заточенія, въ своихъ предсмертныхъ запискахъ, произноситъ пророческія слова: „рано или поздно, но итальянскій народъ будетъ соединенъ подъ однимъ управленіемъ“ ²⁾ (*sera réuni en un gouvernement*). Мы видѣли, какъ понимали движеніе въ Италиі такіе политики, какъ Стурдза,—будто въ немъ нѣтъ ничего національнаго. Но слѣдуетъ отмѣтить, что были среди русскихъ людей того времени люди и иного толка. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, Головкинъ, въ 1820 г. предупреждаетъ своего министра, гр. Нессельроде: „Наполеонъ далъ Италиі три вещи, за которыя народы готовы жертвовать своею жизнью, а именно—*національность*, славу и конституцію“.

Въ чемъ же заключалась позже сила обаятельнаго дѣйствія на нѣмцевъ извѣстнаго врага Франціи и Наполеона, нассаускаго барона, адвоката Штейна, который, по словамъ неумѣреннаго его друга, нашего Стурдзы, „въ себѣ одномъ заключалъ цѣлую державу“ на вѣнскомъ конгрессѣ и былъ одинъ въ состояніи—*„électriser l'Allemagne“* ³⁾?

Сила Штейна была во всенародной проповѣди той же самой идеи, которая еще въ концѣ столѣтія такъ волновала самый Берлинъ,—идеи французской революціи, идеи о національности, достоинствѣ

Германіи въ концѣ вѣка, доходившей до того, что сами нѣмцы требовали уступки Франціи лѣваго берега Рейса, шестую главу новой книги Ch. Rabany: *Kotzebue, sa vie et ses oeuvres*, Paris, 1893. Къ этой книгѣ мы будемъ обращаться не разъ ниже.

¹⁾ Тамъ же, стр. 83, 227. Ср. 266—67.

²⁾ Giacometti, *op. c.*, p. 34.

³⁾ *Oeuvres posthumes*, p. 343.

нѣмецкаго народа, съ отверженіемъ въ сторону великихъ политическихъ перегоронокъ, простѣнковъ, и съ гегемоніей той же Пруссіи. Приемы нѣмецкаго патріота были обычные—приемы революціи, народнаго трибуна. И сами мы, въ тяжкія минуты крайней необходимости, не могли отказываться отъ нихъ. Когда, въ началѣ 1813 года, по настоянію Штейна и его друзей и вопреки убѣжденіямъ другихъ государственныхъ людей русскаго происхожденія, мы вступили въ Пруссію, то первымъ нашимъ дѣломъ было—облечь Штейна безграничной диктатурой, уполномочить его организовать противъ французовъ общенародное возстаніе. Гр. Витгенштейнъ, Барклай-де-Толли, поддерживали нѣмецкаго агитатора энергическими прокламаціями съ нашей стороны. „Нѣмцы,—говорили они въ прокламаціяхъ,—вы, жалкое и постыдное орудіе честолюбія, поднимайтесь! Вы, которыхъ Наполеонъ водилъ до рубежа Россіи, бросьте знамена рабства и соединитесь подъ знамена свободы, отечества, народной гордости!“¹⁾ Но еще болѣе смѣлыми адептами приемовъ французской революціи мы были незадолго передъ тѣмъ, когда ждали къ себѣ Наполеона, когда адмиралъ Чичаговъ изъ Бухареста долженъ былъ поднять румынъ въ Трансильваніи, еще помнившихъ мятежъ Гочи, мадьяръ въ собственной Венгріи, а съ сербами, герцеговинцами, броситься на Австрію съ юга и проникнуть до Тироля. Но осуществленіе этого „гигантскаго проекта“, какъ справедливо называетъ его Стурдза, дипломатическая служба котораго началась именно на поприщѣ этого грандіознаго революціоннаго предпріятія, ограничилась пересылкой воззваній къ мятежу—въ стилѣ Наполеона, изъ Шёнбрунна—въ ущелья Карпатъ, за что нѣкоторые изъ нашихъ агентовъ были повѣшены австрійскими властями, а Чичаговъ долженъ былъ спѣшить въ Россію. Наши приемы начала XIX-го вѣка воскрешали смѣлыя дѣйствія Петра Великаго, договорнаго союзника и покровителя не только славянъ, но и мадьяръ²⁾.

Но возвращаемся къ нѣмецкому трибуну. По убѣжденію Стурдзы, другъ его Штейнъ „открылъ нѣмцамъ тайну ихъ націо-

¹⁾ G. Créange, Histoire de la Russie au XIX s., Paris, 1882, p. 50.—Тогда же, по вступленіи русскихъ войскъ въ Германію, при русскомъ штабѣ издавалась, съ тою же цѣлью возбужденія и поднятія массъ, летучая походная газетка: „Русско-нѣмецкій листокъ“, подъ редакціей столь извѣстнаго позже А. Коцебу. Интересны были нѣкоторыя статьи. Напримѣръ, нѣмецкимъ дамамъ рекомендовалось образовать корпусъ амазонокъ,—надъ чѣмъ позже издѣвался самъ редакторъ.

²⁾ О революціонныхъ дѣйствіяхъ Чичагова—см. у Стурдзы, его воспоминанія—Oeuvres posthumes, 114—122. О сношеніяхъ Петра Великаго съ мадьярами см. нашу книгу: „Мы и Они, очерки исторіи и политики славянъ“ (1878).

нальности“ (ор. с., р. 210). Впрочемъ, давно извѣстное открывать было нечего; откровеніе было получено изъ Франціи. Справедливѣе оцѣниваетъ революціонныя заслуги народнаго трибуна современный вождь нѣмецкихъ соціалистовъ, Либкнехтъ, замѣтивъ какъ-то въ парламентѣ Берлина, что баронъ Штейнъ примѣнилъ къ Пруссіи идеи французской революціи, заставивъ „юнкеровъ“ уступить буржуазіи ¹⁾.

Итакъ, нѣмецкая почва была достаточно насыщена французскими идеями. Священный Союзъ и дѣйствительная, не идеализированная Германія при взаимной встрѣчѣ должны были по необходимости восчувствовать другъ къ другу непріятныя чувства и взаимно разочароваться. Священный Союзъ поставилъ своею цѣлью охрану, но вопросъ—чего? Нѣмцамъ была дорога не одна охрана, но и дальнѣйшее развитіе только-что пріобрѣтеннаго сознанія ихъ національнаго достоинства, ихъ народнаго „я“, свободы. Мы сами въ своихъ прокламаціяхъ къ нѣмцамъ соблазнительно манили ихъ перспективою всѣхъ этихъ благъ. Но Священный Союзъ не о развитіи свободы думалъ, а объ утвержденіи общаго покоя, возврата старыхъ порядковъ; особенно тогда дѣйствительнымъ руководителемъ Союза сталъ Меттернихъ, министръ того государства, которое еще въ 1799 году было въ Германіи объявлено естественнымъ врагомъ Германіи. Взаимныхъ симпатій ожидать было нельзя, такъ какъ послѣднія цѣли Союза и вождельнія нѣмцевъ, только-что вкусившихъ отъ древа политическаго познанія добра и зла, взаимно расходились. Можно было ожидать одного—столкновенія, и это тѣмъ болѣе, что даже самыя слабыя надежды на освѣженіе политическихъ условій нѣмецкой жизни, заявленныя на самомъ вѣнскомъ конгрессѣ со стороны прусскаго короля, оказались тотчасъ же пустымъ миражемъ.

Въ Вѣнѣ король обѣщаль собрать, по возвращеніи въ Берлинъ, особую комиссію для выработки „хартіи“, то-есть конституціи: вѣдь хартія была только-что дана отъ побѣдителей самой побѣжденной Франціи...

Дѣйствительно, въ 1817 году были отправлены въ разныя прусскія провинціи спеціальныя комиссары—Альтенштейнъ, Клевицъ, Бейме, чтобы предварительно позондировать общественное мнѣніе, узнать—чего оно желаетъ. Но одной разсылкой этихъ посланцевъ дѣло и окончилось ²⁾. Рука входившаго въ

¹⁾ J. Bourdeau, Le socialisme allemand. Paris, 1892, p. 85.

²⁾ Объ этихъ комическихъ приемахъ завести у себя конституцію см. недавно вышедшую брошюру проф. Альфр. Штерна: „Die preussische Verfassungsfrage und Altenstein's Reise im Jahre 1817“. Zürich, 1893.

силу руководителя дѣлами, „естественнаго врага“ Германіи, врага всякихъ хартій, Меттерниха, остановила прусскія покушенія въ духѣ либеральномъ на первыхъ же порахъ. Но предметомъ неудовольствія нѣмцевъ былъ не Меттернихъ, а мы, и противъ насъ злобствовали всюду, тутъ же за порогомъ королевскаго кабинета. Нашъ посланникъ въ Берлинѣ, Алопеусъ, въ 1815 году доносилъ въ Петербургъ, что даже въ высшихъ слояхъ общества встрѣчаются люди, ненавидящіе насъ, потому что Россія—главный источникъ консервативныхъ тенденцій, противныхъ имъ. „Король, — писалъ онъ, — всегда горячо преданъ Россіи и русскому народу; но нѣмецкіе демагоги ставятъ ему въ упрекъ эту любовь къ Россіи. Гарденбергъ окруженъ людьми, которые насъ боятся не безъ основанія, ибо они чувствуютъ, что личная близость короля къ царю мѣшаетъ имъ играть главную роль и дать господство ихъ революціоннымъ принципамъ“¹⁾.

Потребовалось немного времени, чтобы выяснился настоящій духъ спасенной отъ „ига“ благодушной Германіи,—конечно, въ передовой части ея общества, — и ея отношенія къ политикѣ миротворителей.

Въ Италіи заявленіе несогласія, протеста, выходило отъ улицы; въ своеобразной же Германіи, съ придавленной и тупою массою недавнихъ рабовъ, та же протестація нашла для себя и своеобразное выраженіе: ея пріютомъ были университеты и университетская молодежь.

„На первый взглядъ можетъ показаться парадоксомъ,—говоритъ Бурдд, открывая свой новѣйшій трудъ: „Нѣмецкій социализмъ“, — но рабочее движеніе приготовлено было университетскою классической философіей Германіи“.

Тѣми же словами можно сказать и о достигнутомъ поэтическомъ единствѣ нѣмецкаго народа: движеніе въ этомъ направленіи было открыто и затѣмъ лелѣяно университетами и университетскою молодежью. „То, чего мы желаемъ, — говоритъ еще юный Лассаль въ своей юношеской драмѣ: „Franz von Sickingen“, устами главнаго героя:—это—единой и могущественной Германіи, великой имперіи“. Это желаніе было лозунгомъ и университетской молодежи, послѣ того какъ французская идея о націо-

¹⁾ Ed. Simon, L'Allemagne et la Russie au XIX s., 1893, p. 26. Ненависть нѣмцевъ къ намъ идетъ ранѣе вѣнскаго конгресса и съ подкладкой національнаго шовинизма. Послѣ парижскаго договора они обвиняли имп. Александра за возвратъ Франціи границъ 1792 г. Въ Вѣнѣ русский императоръ былъ предметомъ враждебныхъ демонстрацій, и полиція была постоянно на ногахъ, чтобы блюсти за его безопасностью (ibid., 25).

нальности, народной индивидуальности, избородила почву Германіи. Подъ этимъ знаменемъ университеты выступали противъ политики охраны — политики священнаго союза, ознаменовавъ первый шагъ этого акта заявленіемъ готовности на самыя крайнія мѣры. Университетъ далъ Германіи ея единство.

Приближался торжественный моментъ въ національной жизни Германіи: трехсотлѣтняя годовщина памяти Лютера, его разрыва со стариной, юбилей національной вѣры, своей, нѣмецкой. Этотъ моментъ и былъ избранъ университетскою молодежью для перваго заявленія своего политическаго исповѣданія. Мы имѣемъ въ виду историческое празднество студентовъ въ Вартбургѣ (здѣсь спасся Лютеръ отъ преслѣдованій), 18-го (6-го) октября 1817 года.

Не повторяя общеизвѣстнаго, мы тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ воспользоваться любопытными воспоминаніями о вартбургскихъ дняхъ, этомъ первомъ *національномъ* торжествѣ нѣмцевъ, гдѣ впервые громко заявлено было о политическомъ *единствѣ* нѣмцевъ, непосредственнаго, но безпристрастнаго участника тѣхъ дней, не нѣмца, а студента-славянина, словака Коллара, извѣстнаго позже чешскаго поэта, публициста и ученаго, и въ то же время младшаго сотоварища политическаго героя послѣдующихъ дней — Карла Занда.

Около 700 студентовъ, почти изъ всѣхъ университетовъ Германіи, сошлись въ Вартбургѣ. „Радостно было, — вспоминаетъ Колларъ, — глядѣть на эту бодрую толпу, какъ она, весело прыгая черезъ горы и доли, неслась къ тому памятнаму мѣсту съ ранцами на плечахъ, съ горячими чувствами въ сердцѣ“.

Вечеромъ, въ первый же день торжества, группа молодыхъ людей удалилась въ лѣсокъ у исторической горы, и въ то время какъ остальные предавались праздничному веселью, группа та разложила костеръ и бросала въ огонь „нѣкоторыя сочиненія, вредныя общему благу“. Были сожжены сочиненія 17 писателей и, за исключеніемъ Ансилльона, все — своихъ, нѣмцевъ. Между ними были: Августа Коцебу — „Исторія нѣмецкой имперіи“, Янке — „Крики за конституцію“. Предварительно же были брошены въ пылающій костеръ: парикъ, корсетъ и капральская палка — символъ стараго порядка и въ извѣстномъ смыслѣ — новооткрытой политики охраны. „При этомъ ауто-да-фе, — прибавляетъ Колларъ, — не было ни одного профессора, и все ложь, что раструбили потомъ“. Но тѣмъ не менѣе на самомъ празднествѣ принимали участіе самыя популярныя профессора іенскаго университета: знаменитый натуралистъ Онкенъ, философъ Фрисъ, Швей-

церъ и Кизеръ; слѣдовательно, причастіе профессоровъ къ политически-національной демонстраціи несомнѣнно.

Но самый интересный моментъ студенческой демонстраціи, моментъ непосредственно политическій, наступилъ на слѣдующій день: это студенческая декларация о національномъ единствѣ Германіи.

„Каждый студентъ,—говорилъ одинъ изъ юныхъ трибуновъ,—долженъ быть не только человѣкомъ и образованнымъ, но и нѣмцемъ, долженъ сбросить съ себя провинціальный эгоизмъ, діалектизмъ и возвыситься на ступень общенароднаго сознанія. Да, для образованнаго студента постыдно быть только саксонцемъ, австрійцемъ, пруссакомъ, баварцемъ, швейцарцемъ. На будущее время да исчезнетъ между нами эта анатомія народа, и всѣ мы да будемъ *единое тѣло, единый нѣмецкій народъ*“¹⁾.

Едва окончился вартбургскій праздникъ, услужливые газетчики подняли бурю на цѣлую Европу. Австрійскій посолъ въ Берлинѣ, гр. Зичи, прискакалъ первый въ Веймаръ и Іену для производства предварительнаго дознанія. Нѣмецкій студентъ объявленъ революціонеромъ, а университетъ—гнѣздомъ укрывшейся тамъ революціи.

Неожиданно для правящихъ круговъ объявившееся политическое движеніе среди университетской молодежи Германіи, съ открытымъ заявленіемъ своей солидарности, съ еще свѣжими революціонными проповѣдями Штейна, но теперь отведенными въ сторону, было однимъ изъ поводовъ перваго послѣ Вѣны поспѣшнаго собранія членовъ Священнаго Союза въ нѣмецкомъ Ахенѣ. На этомъ конгрессѣ подчеркивалось, что „духъ революціи,—говоритъ Стурдза, мѣстный свидѣтель явленій нѣмецкой жизни—волнуетъ Германію, что только четырехчленный союзъ (т.-е. съ припущеніемъ Франціи) одинъ въ состояніи умирить еще чувствовавшіяся волны отъ продолжительной революціи“²⁾.

Неспокойные университеты Германіи, революціонный, т.-е. національный духъ среди ихъ молодого населенія, приковывали общее вниманіе. И вотъ въ то время, какъ дипломаты въ Ахенѣ съ несомнѣнно притворнымъ усердіемъ совѣщались о высоко-гуманномъ христіанскомъ проектѣ императора Александра, о мѣрахъ пресѣченія торговли неграми (хотя, конечно, въ самой Европѣ было еще довольно своихъ, бѣлыхъ негровъ—въ Турціи,

¹⁾ J. Kollár. Spisy, IV (Praga, 1863), p. 257—263. Прибавимъ, что упомянутые профессора тогда же были и учителями гениальнаго изслѣдователя славянства, Шафарика.

²⁾ Oeuvres posthumes, p. 359.

Австріи и другихъ странахъ), не въ мѣру услужливый и ревностный не по уму другъ Каподистріи, нашъ А. Стурдза, выпускаетъ въ свѣтъ летучую политическую брошюру о положеніи дѣлъ въ современной Германіи, съ страшнымъ обвиненіемъ въ политической неблагонадежности профессоровъ и вообще университетовъ. Это была фатальная для автора книга: „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne“.

По неосторожному утвержденію издателя посмертныхъ сочиненій Стурдзы и въ то же время его благочестиваго жизнеописателя, греческаго доктора въ Одессѣ, г. Далласа, злополучная брошюра была написана по приглашенію, будто бы, самого императора Александра и вышла даже изъ печати *безъ вѣдома автора* (à l'insu de l'auteur) ¹⁾. Но достаточно сослаться на личное признаніе самого Стурдзы, чтобы видѣть, что вкладъ въ университетскій вопросъ еще юнаго (род. въ 1791 г.), но усерднаго автора былъ добровольный. Въ воспоминаніяхъ о своей сестрѣ, гр. Эдингъ († 1844), онъ указываетъ, что писалъ тогда съ однимъ желаніемъ— „исполнить свой долгъ—долгъ общественнаго дѣятеля“ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе именно годы юный дипломатъ, едва вкусившій отъ жизни, уже успѣлъ выработать въ себѣ особый взглядъ на себя, какъ на нѣкоторое орудіе для спасенія общества: въ 1816 году онъ въ историческомъ Веймарѣ издаетъ богословско-философскія „*Considérations*“, чтобы утишить „*la fluctuation des esprits qui est résultée de choc d'opinions*“—въ Россіи, а его другъ въ Германіи, талантливый предметъ соблазна для современниковъ, Августъ Коцебу, спѣшитъ издать это въ нѣмецкомъ переводѣ (въ 1817 г., въ Лейпцигѣ), съ посвященіемъ самому „*благородному сочинителю*“ (dem edlen Verfasser).

Брошюра была издана всего въ числѣ 50 экземпляровъ, большая часть которыхъ, по свидѣтельству современника, А. И. Тургенева, была раздана иностраннымъ министрамъ, т.-е. собравшимся въ Ахенѣ, и слѣдовательно для домашняго, но важнаго употребленія, какъ безотлагательный отвѣтъ на „злобу дня“.

Въ своей университетской запискѣ юный Стурдза ни болѣе, ни менѣе, какъ объявлялъ университеты исчадіями ада, вертепами умственнаго разврата. Университеты Германіи обвинялись, „*au lieu de cultiver les sciences, de nourrir l'esprit d'athéisme et de libéralisme et de contribuer ainsi à ébranler les trônes*

¹⁾ Oeuvres posthumes, p. 9.

²⁾ Ibid., p. 50.

et l'ordre social“, и авторъ заключалъ препорученіемъ строгихъ мѣръ противъ свободы каѳедры и личной свободы, которой пользовались студенты. Даже самъ М. И. Богдановичъ, авторъ „Исторіи царствованія императора Александра“, для произведенія нашего дипломата могъ подобрать лишь одинъ титулъ—„жалкая брошюра“¹⁾. Такимъ образомъ, тотъ, кто еще такъ недавно участвовалъ въ редакціи воззваній къ мятежу въ неудачномъ поднятій румынъ Трансильваніи и мадьяръ Венгрии, теперь объявлялся въ роли какого-то прокурора конвента, и добровольнаго.

Образованные современники, даже изъ русскихъ друзей фатальнаго обличителя, строго осудили опрометчивый поступокъ Стурдзы. „Вы,—писалъ А. И. Тургеневъ И. И. Дмитріеву, въ Москву изъ Петербурга, 16-го дек. 1818 г.,—конечно, уже знаете изъ газетъ о новѣйшемъ произведеніи Стурдзы. Я прочелъ эту книжку съ негодованіемъ и съ досадою на автора, котораго люблю. Онъ доказалъ только, что и съ талантомъ нельзя писать о предметахъ, коихъ не изслѣдовалъ“¹⁾.

Но если въ стороннемъ челоуѣкѣ и другѣ, но честномъ, проповѣдь Стурдзы вызвала одно чувство—негодованіе, то можно представить себѣ, какой эффектъ брошюра произвела среди тѣхъ, по адресу которыхъ она была издана—послѣдовалъ общій взрывъ негодованія возмущившихся нѣмцевъ. Ограниченное количество изданныхъ экземпляровъ было достаточною гарантіей неизвѣстности лица писавшаго и существованія самой брошюры. Но на столбцахъ газеты „Times“ брошюра появилась въ англійскомъ переводѣ, и она стала общимъ достояніемъ. На первыхъ порахъ въ анонимномъ авторѣ нѣмцы увидѣли пріятеля Стурдзы, А. Коцебу, но вскорѣ опредѣлился настоящій авторъ и сталъ предметомъ опаснаго вниманія. „Нѣмцы,—писалъ также Тургеневъ тогда же въ Москву,—сами за себя стали; уже во всѣхъ частяхъ гнѣвъ ихъ проявляется“. Бѣдный авторъ, по собственному признанію, „insulté et menacé de mort“³⁾, могъ помочь себѣ однимъ, чтобы отвести отъ себя ударъ раздраженныхъ романтиковъ-патріотовъ—бѣжать изъ негостепріимной, не понявшей своего спасителя, Германіи, и Стурдза, спасая свою жизнь, тайкомъ бѣжалъ изъ Лейпцига въ Варшаву, чтобы затѣмъ столь же поспѣшно скрыться и отсюда. Тяжелыя воспоминанія о дипломатической службѣ заставили его искать теперь пріюта въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ главномъ управленіи училищъ. Къ тому же онъ

¹⁾ Т. V, стр. 415.

²⁾ „Русск. Архивъ“, 1867 г., стр. 644.

³⁾ Oeuvres posth., p. 50.

могъ считать себя теперь нѣсколько искушеннымъ и по университетскому вопросу.

Репрессивныя мѣры разныхъ нѣмецкихъ правительствъ, чтобы сдержать студенческое движеніе, политическія грезы молодежи о новой, *единой* Германіи, преслѣдованіе профессоровъ, полицейскій контроль за преподаваніемъ (въ Австріи эту обязанность охотно исполняли іезуиты въ качествѣ университетскихъ инспекторовъ), не привели и не могли привести ни къ чему доброму. Онѣ только еще болѣе разжигали страсти, сильнѣе питали фанатизмъ національной нѣмецкой идеи въ сердцахъ студенческой молодежи. Въ это самое время и баронъ Штейнъ, это воплощеніе новой политической идеи, демонстративно оставилъ общественную дѣятельность и удалился въ свой нассаускій замокъ, гдѣ до конца дней своихъ онъ только и думалъ объ единой Германіи, а умеръ въ 1836 году ¹⁾. Неудачность избранныхъ пріемовъ обнаружилась самымъ яркимъ образомъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ, 1819 году, когда студентъ явился въ страшной роли перваго политическаго убійцы возрождающейся національной Германіи.

Стурдза спасся не безъ труда. Но не спасся отъ фанатизма юныхъ нѣмецкихъ патриотовъ его интимный другъ и если не однополчанинъ по литературной дѣятельности, то близкій по симпатіямъ во многихъ вопросахъ дня, но не русскій, а изъ своихъ, изъ нѣмцевъ, — авторъ одной изъ книгъ, сожженныхъ студентами въ Вартбургѣ. Мы говоримъ объ Августѣ Коцебу.

Фигура довольно крупная въ исторіи нѣмецкаго театра, любимецъ сцены въ теченіе не одного десятка лѣтъ, Коцебу, благодаря своей натурѣ — склонности къ насмѣшкѣ, завистливости и шаткости убѣжденій, не могъ найти спокойнаго признанія среди своихъ соотечественниковъ, и его безспорныя заслуги затемнялись въ нѣмецкомъ обществѣ недобрыми воспоминаніями о его личномъ характерѣ.

Духовный сынъ Вольтера (находили сходство даже въ выраженіи лица) и энциклопедистовъ, Коцебу не стѣснялся рѣзко высказывать свое отвращеніе къ богатству лютеранскихъ пасторовъ, какъ и предпочтеніе языку французовъ предъ своимъ роднымъ — тяжелымъ, неуклюжимъ. Но не терпѣвшій, по выраженію Гёте, ни выше, ни около себя ничего выдающагося — будь это городъ, страна, статуя, тѣмъ болѣе человекъ — онъ былъ въ то же время исполненъ лести, нравственнаго униженія предъ всѣмъ, что было

¹⁾ Ср. Стурдзы, *Oeuvres posth.*, p. 223.

ему полезно. Онъ не колебался исповѣдываться въ своихъ „Воспоминаніяхъ о путешествіи въ Римъ и Неаполь“, что далекъ отъ сожалѣнія по апельсинамъ юга (намекъ на Гёте?), такъ какъ „среди песковъ Пруссіи языкъ свободенъ, какъ и мысль: здѣсь нечего бояться ни шпіона, ни цензора; правительство просвѣщенное и всюду видно, что царствуетъ настоящая свобода“.

Правда, шатающійся французоманъ, Коцебу, въ критическіе годы Пруссіи, когда ея королевская семья искала пріюта и хлѣба въ Россіи, съ своимъ оружіемъ выступилъ противъ Наполеона: онъ, удалившись въ Россію, дразнилъ союзника Россіи, Наполеона, листками, впрочемъ, съ довольно тупыми „видами“, и современные изслѣдователи эпохи готовы упрекать нѣмцевъ, что они отказываютъ въ признаніи этихъ политическихъ заслугъ Коцебу, а между тѣмъ носятся съ тѣми, которые прямо продавали свое перо за деньги Франціи, какъ Гебель, Цшокке и др. Но чьего врага видѣлъ Коцебу въ Наполеонѣ, и въ чьихъ интересахъ онъ нападалъ на Наполеона въ своей „Пчелѣ“, выпускаясь имъ безопасно для себя изъ Россіи?

Еще вчера Коцебу былъ горячимъ поклонникомъ Наполеона, величалъ его „чудомъ своего вѣка“, а теперь защищалъ укрывшихся въ Россіи изгнанника и изгнанниковъ — Штейна, объявленнаго въ 1809 году „ennemi de la France“, и королевскую чету, слѣдовательно защищалъ свои интересы, такъ какъ Пруссіей не исчерпывалась Германія, которая давно и охотно впускала въ себя освободительныя идеи изъ-за Рейна, — и поэтъ Гебель, осмѣивавшій тирольцевъ Андрея Гофера, ихъ слѣпую привязанность къ Австріи, могъ поступать такъ не изъ-за однѣхъ денегъ. Новѣйшій французскій біографъ Коцебу ошибается, утверждая, что побѣжденная Франція (слѣдов., только послѣ 1815 г.) мстила за свое пораженіе сообщеніемъ побѣдителямъ неизлечимой заразы либеральныхъ идей; въ Германію эти идеи прошли давно ¹⁾.

Но, въ рѣзкое отличіе отъ Штейна, Коцебу сталъ крайнимъ консерваторомъ, когда, послѣ освобожденія Европы отъ Наполеона, онъ изъ своего родного Веймара неосторожно и вызывательно пустилъ свои перуны, еще такъ недавно направлявшіеся противъ „тиранна“, теперь противъ единомышленниковъ Штейна — либеральныхъ романтиковъ, искавшихъ новой, единой Германіи и столь разочаровавшихся послѣ 1815 года. Его рѣзкій

¹⁾ Rabani Charles, Kotzebue, sa vie et son temps. Paris, 1893, p. 114. Этой критической біографіей мы и пользуемся въ настоящей статьѣ.

личный органъ— „Litterarisches Wochenblatt“ сталъ уже съ 1816 года избраннымъ сосудомъ реакціи, отъявленнымъ врагомъ романтиковъ. Всегда несдержанный, а теперь старѣющійся, Коцебу (род. 1761 г.) открылъ неумолкаемую пальбу изъ своего бастиона противъ идей, пріютившихся главнымъ образомъ въ университетахъ.

Кто ищетъ конституціи? спрашивалъ Коцебу, и отвѣчалъ: профессора и профессора,—и онъ посылалъ имъ откровенно попрекъ, что ихъ политическія сочиненія воспроизводятъ черта въ черту брошюры изъ эпохи революціи. Естественно, что общество, проникнутое антипатіями къ Коцебу, отвѣчало раздраженіемъ. Когда явилась въ свѣтъ его „Исторія вѣмецкой имперіи“, обращающая вниманіе на „эпоху славы“, средніе вѣка, общество встрѣтило ее молчаніемъ, а студентами она была сожжена. Самый праздникъ въ Вартбургѣ вывелъ изъ себя Коцебу.

Коцебу разразился самою запальчивою атакою противъ свободы науки въ университетахъ и объявилъ, что тамъ ничего не дѣлаютъ. „Мы посылаемъ дѣтей учиться въ университеты, а они пріучаются къ лѣни. Профессоръ садится въ кресло и читаетъ монотонно, не заботясь даже о томъ, слушаютъ ли его?“ Коцебу требовалъ заведенія въ университетахъ порядковъ кадетскихъ корпусовъ. Можно легко себѣ представить негодованіе романтиковъ. „Бюргеры и студенты, — писалъ Гёте въ январѣ 1818 г., — публично гремятъ противъ *наслѣдственнаго непріятеля*, по ихъ выраженію“. Но раздраженіе романтиковъ еще сильнѣе возросло, когда стало извѣстно, что одновременно съ изданіемъ газеты Коцебу сталъ платнымъ агентомъ того государства, которое романтики почему-то считали источникомъ всѣхъ политическихъ для нихъ золъ, — Россіи. Еще въ 1816 г. онъ получилъ приглашеніе ежемѣсячно сообщать русскому правительству „о новыхъ идеяхъ, курсирующихъ во Франціи и Германіи въ области политики, статистики, народнаго просвѣщенія“, какъ онъ самъ тогда же писалъ своей матери, т.-е. повторить Гримма изъ XVIII-го вѣка. Но теперь были иныя времена, и его политико-литературная дѣятельность, направлявшаяся противъ страстныхъ политическихъ вождельній новой, возрождающейся Германіи энтузіастовъ-романтиковъ, вышедшихъ изъ французской школы заразительныхъ идей, привела страстнаго Коцебу къ ужасному концу: онъ палъ жертвою романтическаго фанатизма, въ виду которой одинъ только старый Гёте, хотя и старый его литературный врагъ, отказался присоединить свой голосъ къ общимъ

кликавъ радости, которыми привѣтствовали смерть Коцебу, какъ сигналъ освобожденія Германіи ¹⁾).

Переходя къ этому кровавому эпизоду, мы и здѣсь, для характеристики эпохи и пробудившагося патріотическаго духа среди старшаго и младшаго населенія университетовъ, воспользуемся тѣми же воспоминаніями очевидца, Коллара, и это съ тѣмъ бѣльшимъ правомъ, что они не лишены интересныхъ подробностей, которыя свидѣлствуютъ, что у патріотовъ-романтиковъ, профессоровъ и публицистовъ, слѣпая страсть теперь уже стала единственнымъ руководящимъ стимуломъ, не щадила ничего, не считалась ни съ чѣмъ. Эта страсть заставляла жертвовать и достоинствомъ человѣка изъ-за національной идеи, и не стѣснялась въ средствахъ, въ выборѣ ихъ.

„На первомъ году моей жизни въ Іенѣ, — рассказываетъ Колларъ, — Коцебу пребывалъ въ своемъ отцовскомъ домѣ въ Веймарѣ, гдѣ и издавалъ литературный „Еженедѣльникъ“, который я читалъ усердно. На улицѣ я не разъ видалъ его, но никогда не чувствовалъ желанія посѣтить его. Въ 1816 г. онъ сталъ русскимъ чиновникомъ, но въ слѣдующемъ опять переселился въ Германію, съ хорошимъ содержаніемъ и обязательствомъ доставлять оттуда въ Петербургъ извѣстія о литературѣ и политикѣ ²⁾. Одно изъ такихъ сообщеній, писанныхъ по-французски, было какъ-то забыто Коцебу на письменномъ столѣ, когда въ его отсутствіе зашли къ нему съ визитомъ двое изъ іенскихъ профессоровъ. Увидѣвъ на столѣ бумагу, они прочли ее и тайкомъ переписали. Это донесеніе Коцебу, съ объясненіями профессора Людена ³⁾, что оно опасно для нѣмцевъ, было напечатано въ журналѣ Виланда: „Другъ народа“ ⁴⁾ и вызвало страшный крикъ по цѣлой Германіи, особенно между студентами, и было главною и послѣднею причиною убійства Коцебу. Къ Коцебу воспылалъ національной ненавистью Карлъ Зандъ, кандидатъ богословія, юноша скромный, кроткій, но задумчивый, несловоохотливый и въ своихъ занятіяхъ весьма усердный. Въ герцогскомъ конвиктѣ Зандъ сидѣлъ по сосѣдству съ нашимъ венгерскимъ сто-

¹⁾ Kabany, op. c., p. 83.

²⁾ Въ 1815 г. Коцебу былъ назначенъ русскимъ консуломъ въ Кенигсбергъ, но пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ тамъ.

³⁾ Люденъ — профессоръ исторіи, и спеціально Германіи. Онъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ въ Іенѣ. „Люденъ, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Колларъ, — имѣлъ самую большую аудиторію и самое большое число слушателей. Лѣтомъ бывала такая тѣснота и давка, что едва можно было дышать“ (p. 243).

⁴⁾ Вѣроятный отзвукъ „Ami du peuple“ время революціи.

ломъ и наблюдалъ за порядкомъ; объявлялъ отъ имени университетскаго сената или студентовъ всевозможныя распоряженія, приклеивалъ на дверяхъ записочки, въ случаѣ, если кто изъ студентовъ что-нибудь потерялъ, нашелъ, и т. д. По окончаніи семестра, Зандъ съ евангеліемъ отъ Іоанна и отточеннымъ кинжаломъ въ рукахъ отправился въ Мангеймъ вслѣдъ за Коцебу, и здѣсь, въ 5 часовъ пополудни, 23-го марта 1819 года, убилъ его, послѣ чего и самъ былъ казненъ 20-го мая 1820 года¹⁾.

Политическое убійство, исполненное съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и юношей, по природѣ своей, необыкновенно скромнымъ, отточенный кинжалъ и тутъ же евангеліе—не могло не потрясти, и страшно, современные умы Европы. Было ясно, что революціонная національная идея растетъ сильно въ классически-тихой, мирной Германіи, становится единовластной въ умахъ университетской молодежи, становится, подъ сѣнью университетовъ, политической мощью, унять которую, а не то чтобы уничтожить, стереть съ арены политики, ставило въ тупикъ испытаннѣйшихъ дѣятелей Священнаго Союза, а благороднаго виновника его, императора Александра, приводило къ душевной резигнаціи, близкой къ признанію, что едва-ли есть обычныя чловѣческія средства противу гидры національной, изъ революціи вышедшей, идеи—противъ объявившагося „владычества зла“, какъ онъ уже самъ выражался.

Дѣло убійцы-богослова, какъ и вообще усиленіе національнаго броженія, вызвало второй конгрессъ членовъ Священнаго Союза въ австр-силезскомъ городѣ Тропау (Opava). Въ разгаръ совѣщаній о мѣрахъ императоръ откровенно исповѣдываетъ всю тяготу своего душевнаго состоянія въ письмѣ къ дѣренному политическому другу, княгинѣ Мещерской, въ отвѣтъ

¹⁾ IV, 266. Изъ предложеннаго обстоятельнаго разсказа объ убійствѣ Коцебу университетскаго товарища „кроткаго“ Занда не видно, чтобы жребій рѣшалъ его судьбу; скорѣе, Зандъ пошелъ на убійство по собственному вызову; равнымъ образомъ не видно, чтобы Зандъ былъ экзальтированной головой, какъ обыкновенно его понимаютъ. Сошлемся хоть на новѣйшій разборъ прусско-русскихъ отношеній въ XIX вѣкѣ Edouard Simon'a: „L'Allemagne et la Russie“ (Paris, 1893): „un des plus exaltés“ (р. 30). Зандъ былъ фанатикъ національной идеи, убѣжденный патриотъ, охотно принесшій себя въ жертву своеобразно понятому общественному интересу единой Германіи. Вѣрно понималъ Занда А. И. Тургеневъ. 6-го мая 1819 г. онъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Фанатикъ сей живъ еще, страдаетъ отъ раны и операции и не показываетъ раскаянія въ преступленіи“ („Русск. Архивъ“ 1867, 650). Вспомнимъ и благодарственную молитву, публично, на колѣняхъ, на улицѣ, Занда, сейчасъ послѣ убійства, послѣ чего онъ уже самъ себя нанесъ два удара въ грудь тѣмъ же кинжаломъ. Вездѣ хладнокровіе, обдуманность. Публика въ день казни Занда собирала траву, орошенную его кровью...

на ея письмо съ благословеніемъ отъ митрополита Михаила. „...Скажите митрополиту, — писалъ императоръ, — что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, я нуждаюсь въ его благотворномъ благословеніи и молитвахъ, потому что мы заняты здѣсь однимъ изъ важнѣйшихъ, но и *труднѣйшихъ* дѣлъ. Вопросъ идетъ объ изысканіи средства противу владычества зла, которое распространяется быстро и всѣми тайными путями, къ коимъ прибѣгаетъ сатанинскій духъ, направляющій то зло. Но, увы, искомое нами средство выше нашей немошной человѣческой силы ¹⁾“.

Средство найти было трудно, особенно когда одинъ изъ трехъ членовъ Союза, не лишенный практической предусмотрительности, готовился выйти съ объятіями на встрѣчу тому „сатанинскому духу“, заставить его служить себѣ и на немъ, какъ на новой политической силѣ, основывать свои дѣйствія въ отдаленномъ будущемъ. Въ результатѣ обновленныхъ и усиленныхъ репрессивныхъ временъ противъ духа времени — противъ университетовъ Германіи, поведенныхъ искусною рукою историческаго ловца людей, австрійскаго канцлера Меттерниха, такъ скептически въ началѣ отнесшагося къ самой идеѣ Священнаго Союза, но теперь постигшаго всю его пользу для себя, были — еще болѣе усилившаяся ненависть противъ насъ со стороны нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, потомъ — снесеніе Австріи съ ея вѣкового пьедестала, а въ заключеніе — передача нѣмецкой гегемоніи въ руки Пруссіи, того прозорливаго члена Союза, который равно понялъ значеніе стремленія лучшихъ, передовыхъ нѣмцевъ къ національному единству. Мы еще въ концѣ 50-хъ годовъ, устами покойнаго князя Горчакова, объявляли Германію „комбинаціей преимущественно охранительнаго характера“, хотя она давнымъ-давно была однимъ бурлящимъ котломъ, но прикрытымъ. И Штейнъ, и его сотрудники, были революціонеры, ибо они являлись патріотами будущей Германіи, какъ ее понимали профессоры и университетская молодежь ¹⁾.

Такимъ образомъ, правящіе дѣятели, большинство членовъ Священнаго Союза, односторонне поняли духъ времени — универ-

¹⁾ „Русск. Архивъ“, 1886, кн. 11, стр. 406.

²⁾ Поразительно было у насъ незнаніе и непониманіе Германіи. Даже въ началѣ войны 1870 года мы были увѣрены въ побѣдѣ Франціи, т.е. большинство русскаго общества. Нельзя удивляться, если даже Никитенко могъ замѣтить въ своемъ „Дневникѣ“, въ концѣ 1863 года: „Германское единство можетъ быть великая идея, а можетъ быть и пустая фантазія“. Иначе понималъ Наполеонъ III: въ разгаръ блестящихъ побѣдъ надъ австрійцами онъ поспѣшилъ заключить миръ, въ Вилла-Франкѣ, испуганный патріотическимъ движеніемъ въ Германіи. Ср. Giacometti, La question italienne, Paris 1893, соотвѣт. главы.

ситетское движеніе въ Германіи, объявивъ его моментомъ наступленія „владычества зла“. Но это своеобразное движеніе, его факультативное значеніе, не проглядѣли люди на сторонѣ, изъ оппозиціи, не исключая и Россіи, и нашъ вдохновенный изгнанникъ въ Кишиневѣ явился глашатаемъ идей иного порядка въ своей политической одѣ „Кинжаль“, вызванной событіями Германіи:

„О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ:
Въ твоей Германіи ты вѣчной тьмью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ...“

Подготовленное университетами объединеніе Германіи вполнѣ оправдало Пушкина,—той Германіи, которая теперь уже готова „грозить бѣдой“.

Но если политическое движеніе многочисленныхъ университетовъ Германіи, поддерживаемое прессой съ національной, т.-е. либеральной тенденціей, не могло не быть строго осуждаемо и императоромъ Александромъ, и вообще консервативными правящими сферами, какъ источникъ новыхъ тревоженій, послѣ того какъ еще только вчера, и путемъ тяжелыхъ усилій и жертвъ, былъ возстановленъ общественный порядокъ въ Европѣ,—то спрашивается: было ли что-нибудь похожее на то движеніе въ умственно бѣдныхъ и числомъ невеликихъ нашихъ университетахъ?

Почти излишне говорить, что двухъ отвѣтовъ не можетъ быть, а только одинъ—отрицательный. Въ государствѣ стараго національнаго типа, въ его основной или коренной части,—а на этомъ пространствѣ только и были русскіе университеты,—ничего похожего на національное броженіе или движеніе быть не могло. Оно потребовало бы для себя извѣстныхъ политическихъ условій, болѣе или менѣе продолжительной умственной подготовки ¹⁾, политическаго развитія. Откуда же все это, помимо всего другого, могло явиться въ немногихъ русскихъ университетахъ, большинство

¹⁾ Если современный нѣмецкій публицистъ-критикъ полагаетъ, согласно съ фальшивымъ общераспространеннымъ взглядомъ, что „начало романтизма связывается съ глубочайшимъ униженіемъ Германіи, что скорбь юныхъ талантовъ о владычествѣ чужеземцевъ дала цѣлому содержанію ихъ міровоззрѣнія патріотическую окраску“ (Max Nordau, Entartung, I, 132), то онъ имѣетъ въ виду выродившееся позже консервативное теченіе романтизма. Истинное начало романтизма—эпоха Шиллера, съ симпатіями къ зарейнскому сосѣду,—и Брандесъ правильно отмѣчаетъ первое „великое литературное теченіе“ въ Германіи началомъ столѣтія—1800 годомъ.

которыхъ не насчитывало и двухъ десятковъ лѣтъ своего существованія, а правильнѣе — прозябанія, петербургскій же открыть какъ разъ въ годъ убійства Коцебу? Не говоримъ уже о томъ, что ихъ ученое населеніе было, по крайней мѣрѣ, на половину иноземное или инородческое; что наши университеты были по старому открытыми гостинницами для иностранцевъ — такъ выражается Шевыревъ въ примѣненіи къ самому московскому университету... Что же касается профессоровъ изъ своихъ, то большинство ихъ съ трудомъ отвѣчало своему назначенію: Бутырскій въ Петербургѣ, по извѣстнымъ воспоминаніямъ акад. Никитенки, способный и краснорѣчивый профессоръ, но тѣмъ не менѣе въ наукѣ своей былъ притчею во языцѣхъ у современниковъ, по словамъ оффиціального историка петербургскаго университета, проф. Григорьева.

Еще менѣе какою-либо политическую опасность могло представлять учащееся населеніе университетовъ: большинство студентовъ были еще дѣти-юноши, кончавшіе свой университетскій курсъ въ 17—18 лѣтъ, умственно слабо развитые, выучкою тощихъ тетрадокъ, книжекъ, или прилежнымъ выслушиваніемъ пустыхъ декламацій, ограничивавшіе, волею-неволею, всю работу своей умственной дѣятельности. Если чѣмъ и грѣшили тогда, то не избыткомъ идей, а избыткомъ физическихъ силъ — шалостями („Сашка“ и Полежаевъ). Вартбургскій трибунъ, говорившій о политической миссіи студентовъ, взывавшей къ ихъ національному чувству, былъ бы среди нашихъ студентовъ иностранцемъ. Правда, такіе трибуны были, но не въ средѣ студентовъ: они являлись среди единственно, хотя и поверхностно-политически образованной молодежи — гвардейскихъ и штабныхъ офицеровъ; ея коснулась наука, но наука Запада, а не своя, которая только „лепелала“¹⁾. Конспиративные годы, приведшіе къ 14-му декабря,

¹⁾ Прекрасную характеристику умственной жизни лучшей части нашего общества того времени (1823 годъ) даетъ князь Вяземскій: „...отличная часть читателей нашихъ преимущественно предается чтенію иностранныхъ книгъ, но не потому ли, что иностранныя произведенія удовлетворяютъ болѣе господствующимъ требованіямъ нашего поколѣнія, соглашаются болѣе съ степенью образованности умовъ? Посмотрите, съ какою жадностью наша молодежь читаетъ газеты и журналы иностранные! Можно ли по совѣсти требовать отъ нея, чтобы она съ тѣмъ же рвеніемъ читала наши журналы? Что сказано о періодическихъ изданіяхъ, то можно примѣнить вообще и къ другимъ книгамъ. Развяжите языкъ нѣмого, и онъ будетъ имѣть слушателей. Дайте намъ авторовъ, пробудите благородную дѣятельность въ людяхъ мыслящихъ, и — читатели родятся. Они готовы; многіе изъ нихъ и вслушиваются, но ничего отъ насъ дослышаться не могутъ и обращаются по-неволѣ къ тѣмъ, кои не лепечуть, а говорятъ“ (Сочиненія, I, 102—103). Только одинъ университетъ въ им-

университетовъ не задѣли, студентовъ не коснулись, пронеслись, какъ проносится случайный вихрь на гладкой поверхности рѣки, текущей своимъ неизмѣннымъ русломъ... Университеты наши были и невинны, и наивны.

Но, при доброй волѣ и дурномъ чувствѣ, чего съ помощью неправильнаго умозаключенія нельзя вывести?.. Это и случилось, когда едва прозябающей русской науки и ея молодыхъ разсадниковъ коснулись „нечистоплотныя“ руки Магницкаго и его единомышленниковъ.

II.

Национальное движеніе къ объединенію Германіи въ средѣ нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ, движеніе новое, было по тому самому явленіемъ революціоннаго порядка, проявленіемъ новаго духа времени, политическаго вольнодумства. Вольнодумство стало эмблемой, синонимомъ нѣмецкаго университета; но, обобщая это заключеніе, подозрительный умъ естественно былъ склоненъ предположить существованіе вольнодумія и вездѣ, гдѣ только есть университеты, слѣдовательно и въ университетахъ русскихъ.

Дѣйствительно, въ началѣ 1819 года совершилось политическое убійство Коцебу, а вслѣдъ за симъ открылась политическая инквизиція казанскаго университета со стороны Магницкаго, этого историческаго по своему всеусердію на дурныя дѣла человѣка. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе университетскаго вопроса и связанныхъ съ нимъ умственныхъ интересовъ въ послѣдніе годы мистическаго министерства кн. Голицына: въ русской исторической наукѣ онъ не разъ былъ затрогиваемъ. Для общей картины жизни той эпохи намъ достаточно ограничиться немногими припоминаніями.

По осмотрѣ несчастнаго казанскаго университета, сопровождавшемся рядомъ мѣръ крайняго самовластія и оригинальности¹⁾,

періи былъ тронутъ политикой, и напоминалъ нѣмецкіе: это -- виленскій; но онъ былъ польскій. „Шубравцы“ (т.-е. главнымъ образомъ университетская молодежь), — говоритъ польскій историкъ, — воевали упорно противъ шляхетскихъ предрассудковъ, противъ идолопоклонческаго выхваленія ошибокъ прошлаго, противъ презрѣнія „благородныхъ“ къ торговлѣ и промыслу, противъ слѣпонаго подражанія Франціи... Но самый сильный голосъ подымали они въ разбиравшемся тогда вопросѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, стоя всегда на сторонѣ слабыхъ и беззащитныхъ“ (P. Chmielowski, „Ad. Mickiewicz“, I, 85).

¹⁾ Въ 1885 г., подѣ Москвою, въ селѣ Лобановомъ-Ростовскомъ, мы имѣли случай познакомиться съ едва-ли не послѣднимъ изъ оставшихся еще въ живыхъ

Магницкій объявилъ его, какъ и слѣдовало ожидать, очагомъ „всеразрушающаго духа вольнодумства“, словно это былъ не сосѣдь Сибири, не „сибирскій“ университетъ, какъ любилъ обзывать его, недовольный отсутствіемъ въ немъ какой-либо научной жизни, приснопамятный свѣтильникъ русской церкви въ то время, митрополитъ Евгеній, — а іенскій, съ его Люденами, Онкенами, давшій главный контингентъ участниковъ студенческаго конгресса въ Вартбургѣ. Магницкій повторялъ теперь въ миниатюрѣ своего приснаго друга, Стурдзу, его „Записку“, столь свѣжую еще въ памяти. „Казанскій университетъ, — доносилъ Магницкій кн. Голицыну, — не только не приноситъ никакой пользы, но и представляетъ великія затрудненія въ приведеніи его въ порядокъ“, почему и предлагалъ его закрыть. Но министерство не одобрило этой радикальной мѣры и указало ревизору — попытаться спасти университетъ, „поддержать казанскій университетъ въ существованіи его“¹⁾, и Магницкій сталъ спасать.

Центръ вниманія — воспитаніе юношества, возвращеніе въ немъ добрыхъ привычекъ. Постановленіемъ 14-го іюня 1819 года создавалась новая, приноровленная къ тѣмъ спеціальнымъ цѣлямъ, университетская должность, подъ именемъ директора университета: „для экономической, полицейской и нравственной части опредѣлить при университетѣ (т.-е. казанскомъ) особаго чиновника подъ наименованіемъ директора“; а затѣмъ была составлена обстоятельная инструкція для новаго чина, гдѣ, понятно, главное вниманіе обращено на его нравственныя задачи. Директоръ долженъ былъ обра-

---

казанскихъ студентовъ эпохи инквизиціи Магницкаго, Евреиновымъ, мѣстнымъ землевладѣльцемъ (теперь онъ уже умеръ). Разказы старика о дѣйствіяхъ Магницкаго по университету заслуживаютъ сохраненія. Студенты-юристы уже сдали свои выпускные экзамены, когда появился Магницкій. Нѣкоторые изъ товарищей Евреинова получили и аттестаты и отправились на службу въ Сибирь, будучи приглашены туда Сперанскимъ во время проѣзда его зимою черезъ Казань на сибирскую ревизію. Былъ приглашенъ лично Сперанскимъ и самъ Евреиновъ, но замедлил полученіемъ аттестата. Пріѣхалъ Магницкій и объявилъ экзамены недѣйствительными; изготовленные, но не выданные аттестаты приказалъ отобрать и уничтожить, и окончившіе курсъ должны были на годъ еще остаться въ университетѣ и вторично держать экзаменъ въ слѣд. году. Самые же экзамены стали производиться теперь, по указанію Магницкаго, съ наблюденіемъ особаго ритуала: предъ экзаменомъ каждый студентъ долженъ былъ исповѣдываться предъ университетскимъ священникомъ. У одного современнаго французскаго историка Россіи приводится разказъ (но откуда?), что Магницкій приказалъ конфисковать анатомическіе препараты въ университетѣ и торжественно похоронить, чтобы люди, изъ костей которыхъ были составлены тѣ препараты, не могли встрѣтить затрудненія въ свое время (G. Créange, Histoire de la Russie, p. 89).

¹⁾ Сборникъ постановленій по м. н. пр., I, 1237.

зовать „такой внутренней надзоръ, который бы, начинаясь отъ входа въ университетъ, окружалъ непрестанно учениковъ и студентовъ“. Въ частности же онъ долженъ былъ „объявить и воздѣлать волю воспитанниковъ, ихъ совѣсть“. Какъ ближайшія средства для того указывалось: „строжайшее чиновочитаніе“ и открытая и тайная провѣрка лекцій профессоровъ, не вскроется ли гдѣ „вольнодумство, и сообща съ полиціей доносить“¹⁾.

Второй и, къ счастью, послѣдній университетъ, подвергшійся очистительной инквизиціи Магницкаго, былъ только-что открытый петербургскій. Здѣсь дѣйствовалъ другъ Магницкаго Руничъ, профессоръ и „россійскій“ академикъ. Изъ пустой исторіи—попавшейся студенческой тетрадки съ дурно записанными лекціями—возникъ громаднѣйшій скандалъ, съ формальнымъ судомъ; немногія лучшія профессорскія силы были удалены съ шумомъ (изъ нихъ К. Арсеньевъ—позже академикъ и наставникъ покойнаго императора Александра II), а замѣщены вакантныя мѣста были такими сомнительными лицами, какъ Дегуровъ, т.-е. Dugour, бѣжавшій дѣятель французской революціи и едва ли не личный секретарь Робеспьера²⁾. Но главное—было рѣшено, что отъ преобразования главнаго педагогическаго института въ петербургскій университетъ послѣдовалъ одинъ вредъ—„не преобразовался онъ къ лучшему“—и что единственно введеніемъ казанской инструкціи Магницкаго „университетъ можетъ приведенъ быть въ надлежащій порядокъ“³⁾.

Московскій университетъ съумѣлъ отстоять и сохранить свою неприкосновенность.

Не менѣе чрезвычайны были мѣры тѣхъ же Магницкаго и

¹⁾ Сборникъ пост. мин. нар. просв., I, 1287, 1317—1337.

²⁾ Въ послужномъ спискѣ А. А. Дегурова отъ 1835 года, когда онъ сходилъ со сцены и оставлялъ ректорство въ петербургскомъ университетѣ, указаны довольно обстоятельно его школьныя изданія въ бытность его педагогомъ во Франціи, и въ первые, страшные, годы революціи, и позже до 1799 г., но о причинахъ оставленія имъ Франціи нѣтъ ничего. По преданію, онъ спасся въ день гибели Робеспьера, скрывшись въ скирду соломы, гдѣ въ одну ночь посѣдѣлъ.

³⁾ Тамъ же, I, 1601. Между тѣмъ открытіе петербургскаго университета было встрѣчено даже такими консервативными стариками, какъ И. И. Дмитріевъ, живымъ сочувствіемъ. Въ мартѣ 1819 года онъ писалъ А. И. Тургеневу: „Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ въ газетахъ рѣчь Уварова при открытіи петербургскаго университета. Увѣренъ, что подъ его надзоромъ оный университетъ года въ три или четыре, конечно, перещеголяетъ своего дѣдушку москвитянина. Онъ вѣрно возродитъ въ профессорахъ благородное соревнованіе и будетъ умѣть оцѣнивать талантъ и заслугу“,—т.-е. Уваровъ, тогда попечитель (сочиненія Дмитріева, Спб. 1893). Но именно въ указанный срокъ юный университетъ обратился въ мѣсто заустѣнія, попавъ подъ негласный надзоръ Магницкаго.

Рунича и относительно цензуры, тѣсно связанной съ университетами. Отсылая читателей по этому вопросу къ извѣстной монографіи акад. Сухомлинова: „Матеріалы для исторіи просвѣщенія“ въ „Журн. мин. нар. просв.“ за 1866 г., мы здѣсь припомнимъ наиболѣе откровенныя сужденія.

Въ цензурномъ уставѣ 1823 года Магницкій указывалъ, что цензуру медико-хирургической академіи необходимо соединить съ общою, „ибо въ настоящее время, когда науки математическія и даже географія несутъ часто на себѣ отпечатокъ невѣрія, могутъ ли не подлежать строжайшему надзору творенія медицинскія, въ коихъ разсужденія о дѣйствіяхъ души на органы тѣлесныя подають обильные способы къ утверженію матеріализма самымъ косвеннымъ и тонкимъ образомъ“. Еще болѣе смѣлы были прибавки Рунича. Въ виду этихъ немногихъ указаній нельзя считать въ воспоминаніяхъ современника, акад. Никитенки, особеннымъ преувеличеніемъ его утвержденіе, что нельзя было говорить объ удобреніи земли безъ спеціальнаго обоснованія, во вкусѣ современнаго теченія ¹⁾.

Необыкновенное вмѣшательство, по дѣламъ знаменитаго своею доброю воспитательною дѣятельностью библейскаго общества, юрьевскаго архимандрита Фотія, этого своеобразнаго нашего Саванаролы того времени, въ область государственныхъ интересовъ рѣшило паденіе министерства князя Голицына, а съ тѣмъ покончило и вопросъ о дальнѣйшемъ хозяйничаніи Магницкаго въ области русскаго просвѣщенія. 14-го мая 1824 года былъ призванъ на постъ министра просвѣщенія „истый русскій“ ²⁾, испытанный патріотъ-славянолюбъ, старикъ Шишковъ, эта „добрая литературная няня“ на министерскомъ креслѣ, какъ мило и сердечно окрестилъ Пушкинъ незлобиваго противника Карамзина. Въ этомъ небольшомъ привѣтѣ — цѣлая характеристика новаго управленія.

Своимъ революціоннымъ дѣйствіямъ по отношенію къ русскимъ университетамъ, въ стилѣ австрійскомъ, іезуитскомъ, Магниц-

¹⁾ Въ современной Австріи была не менѣе свирѣпа цензура, но главнѣйше въ вопросахъ національнаго характера; зато, какъ ее и проводили!.. Вотъ образчикъ. Чешскій романистъ Клицпера свою повѣсть о королѣ Вячеславѣ IV представилъ въ 1826 году въ цензуру при официальномъ объявленіи, что онъ нашель ее въ *старой пергаментной* рукописи, а онъ только перевелъ ее на современный языкъ (д-ра Ф. Бачковскаго: „Z upominek na censuru“ въ газетѣ „Narodní Listy“, 1888, № 6).

²⁾ Такъ опредѣлилъ его „истый нѣмецъ“, извѣстный Арндтъ; онъ еще въ 1812 году, въ Петербургѣ, собиралъ „нѣмецкіе легіоны“ противъ „общаго“ врага, т.-е. Наполеона, въ письмѣ къ Штейну (Р. Архивъ, 1871, 692).

кій, какъ человѣкъ съ умомъ, никогда не затруднялся отыскать основаніе и оправданіе въ соображеніи наивысшихъ государственныхъ интересовъ, которые,—какъ обыкновенно думаютъ въ такихъ случаяхъ,—ему, и только ему, съ необыкновенною ясностью представляются и имъ постигаются. Если вѣрить его вынужденному признанію, онъ готовился къ своей роли изподволь, путемъ труда и размышленій, пока отдѣльныя мысли не вылились въ одну патріотическую систему, въ интересъ спасенія государства. Съ откровенностью онъ исповѣдывается своему покровителю, гр. Бенкендорфу, но уже изъ времени подневольнаго состоянія, что къ службѣ по министерству просвѣщенія, къ попечительству, онъ подготовлялся усердно, добросовѣстно, съ 1819 года, на книгахъ; что въ результатѣ этого литературнаго подготовленія себя и было убѣжденіе, что то просвѣщеніе, которое пришло къ намъ съ Запада со времени Петра Великаго, есть „ядовитое растеніе“, но только, къ счастью, въ нашемъ холодномъ климатѣ растущее медленно; что разъ не встрѣтитъ это „растеніе“ противодѣйствія, оно „непремѣнно произведетъ вредное потрясеніе сперва нравственное, потомъ гражданское, наконецъ—политическое“¹⁾.

Но самъ совѣстливо готовившійся къ своей роли авторъ теоріи „ядовитаго растенія“ встрѣтилъ противодѣйствіе тамъ, гдѣ онъ менѣе всего могъ ожидать—въ новомъ министерствѣ Шишкова, патріота беззавѣтнаго, самой чистой воды. Правда, Магницкій считалъ Шишкова своимъ „личнымъ врагомъ“ (въ исповѣди Бенкендорфу): но странно думать о возможности какихъ-либо личныхъ счетовъ у безупречнаго дѣятеля многихъ царствованій съ человѣкомъ честолюбія и фальши. Причина отвращенія лежала просто въ чувствѣ брезгливости каждаго порядочнаго человѣка къ человѣку неприличному, искалѣченному, видимо поддѣлывавшемуся, послѣ непріятнаго эпизода вынужденнаго его визита въ Вологду при ссылке Сперанскаго. Самъ злополучный Сперанскій не далѣе какъ въ 1818 году прервалъ всѣ сношенія съ беззастѣнчивымъ и назойливымъ другомъ, рѣзко отвернулся отъ него и примирился только чрезъ 20 лѣтъ, въ Одессѣ, не задолго до смерти, и то не по собственной инициативѣ²⁾. У Шишкова,

¹⁾ Ак. *Дубровинъ*, Письма главныхъ дѣятелей имп. Александра I, стр. 504.

²⁾ „Магницкій,—писалъ Сперанскій дочери,—смѣшонъ въ своихъ декламаціяхъ противъ провинціи... Образъ его мыслей и ложенъ, и вреденъ. Вообще не позволяй никому и никогда смѣяться надъ сага patria“. Еще яснѣе писалъ онъ Столыпину: „я съ нимъ совершенно кончилъ и навсегда мои сношенія... Онъ отжилъ“... Но Магницкій не захотѣлъ быть отжившимъ, и Сперанскій просто былъ въ отчаяніи, какъ

ясно объявившаго своею программю политику мирныхъ пріемовъ — „привести страсти къ тихому потушенію“, который самъ былъ человекъ науки и литературнаго слова, а потому и съ уваженіемъ къ „ядовитому растенію“, который, какъ посвидѣтельствовалъ великій поэтъ-современникъ, „музъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ“, — воинствующіе, неугомонные люди, подобные Магницкому, были неудобны, и онъ, естественно, долженъ былъ остановиться на очищеніи отъ нихъ умственной атмосферы Россіи, обезвредить ее отъ нихъ.

Шишковъ ждалъ только случая. Едва только палъ Аракчеевъ, — „ненавистный временщикъ“, по признанію самого Магницкаго, — именно со вступленіемъ новаго императора, Шишковъ не остановился предъ крутою мѣрою: онъ силою выпроводилъ казанскаго попечителя изъ столицы, гдѣ тотъ все время проживалъ, — на мѣсто службы, въ Казань, а затѣмъ нарядилъ слѣдствіе надъ расходываніемъ суммъ университета. Магницкій былъ отрѣшенъ, на его имущество наложенъ арестъ. Судилъ затѣмъ его сенатъ и осудилъ, съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицу¹⁾.

Такъ заключились „мрачныя обстоятельства для просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ“, говоря словами нашего бѣднаго ранняго шеллингиста, фізіолога Веланскаго. Пророческій духъ поэта не обманулъ его, когда онъ привѣтствовалъ Шишкова:

„Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ!“

отдѣлаться отъ него. „Онъ воевалъ и теперь еще воюетъ, — жалуется онъ Столыпину, узнавъ, что Магницкій свои дѣйствія называетъ всюду *обширымъ* дѣломъ; — если онъ поступаетъ такъ со мною по ошибкѣ, то ошибка весьма грубая; если по смѣткѣ и намѣренію, то это неблагородно и несправедливо“ (Р. Архивъ, 1868 г., стр. 1168, 1869 г., стр. 1701, 1974). Объ одесскомъ примиреніи Магницкаго съ Сперанскимъ одинъ одесскій старожилъ, лично и близко знавшій перваго, передавалъ намъ слѣдующее. Въ 1837 году Сперанскій провель въ Одессѣ два лѣтнихъ мѣсяца на дачѣ б. Рено (потомъ Новосельскаго), гдѣ купался. Подъ воздѣйствіемъ преосв. Гавріила Магницкій написалъ письмо къ Сперанскому о примиреніи, полное смиренія, униженія. Въ письмѣ Магницкій между прочимъ писалъ: „я — смердь, а ты...?“ Сперанскій примирился, и 1-го августа у Воронцова обѣдали: Сперанскій, Магницкій и Стурдза. Прибавимъ, что тогда же (послѣ 1835 г.) проживалъ въ Одессѣ и отставной Дегуровъ; онъ построилъ здѣсь на Херсонской улицѣ собственный домъ (теперь г. Мрачека).

¹⁾ Позже, въ 1828 году, Магницкій просилъ, чрезъ Бенкендорфа, Блудова, тогда тов. министра нар. просвѣщенія, провѣрить счеты казанскаго университета — онъ чистъ, все напраслина. Блудовъ провѣрилъ и отвѣчалъ Бенкендорфу: „почти всѣ показанія бывшаго попечителя каз. уч. округа опровергаются показаніями совершенно противными департамента нар. просвѣщенія“ (Дубровинъ, ор. с., № 467).

Мрачныя обстоятельства смѣнились болѣе спокойнымъ, разсудительнымъ отношеніемъ къ наукѣ, университету, вообще къ просвѣщенію, несмотря на то, что событія 14-го декабря 1825 года, повидимому, самымъ яркимъ образомъ оправдывали завѣщаніе Магницкаго о плодахъ „ядовитаго растенія“, и тотъ могъ бы ликовать... Но извѣстно, что революціонное движеніе, приведшее къ 14-му декабря, вращалось въ сферахъ, которыя никакого отношенія съ университетами не имѣли ¹⁾. Пожалуй, и „ядовитое растеніе“ не безучаствовало, но именно только не въ формѣ науки, университетскаго знанія, уже по одному тому, что оно у насъ было безъ значенія, безъ вліянія, не такъ, какъ въ современныхъ университетахъ Германіи, гдѣ наука и жизнь уже во многихъ точкахъ объединялись для совмѣстнаго политическаго дѣйствія. Программа истребленія „ядовитаго растенія“ принята не была, университеты уничтожены не были; оставались, правда, раны, нанесенныя имъ отъ неосторожнаго дозволенія пробнаго примѣненія той программы, но все это требовало лишь спокойнаго уврачеванія въ томъ смыслѣ, чтобы на будущее время, при опредѣленномъ разѣ навсегда строгомъ, но законномъ порядкѣ вещей, высшіе интересы были обезпечены отъ вредныхъ услугъ Магницкихъ. Все же университетскій вопросъ, какъ и вообще вопросъ о наукѣ, просвѣщеніи въ Россіи, недавно столь несправедливо и неосторожно связанной съ политическимъ движеніемъ національнаго характера въ университетахъ Германіи, принадлежалъ къ тѣмъ „многочисленнымъ грѣхамъ внутренняго управленія“, о которыхъ доносилъ французскій посоль при русскомъ дворѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій 14-го декабря, какъ о „великихъ трудностяхъ, съ которыми придется бороться молодому государю“ ²⁾. Слова, произнесенныя однимъ умнымъ епископомъ сто лѣтъ назадъ: „какъ несчастлива Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завести не можетъ“, — не потеряли своего тяжелаго значенія и позже ³⁾.

И молодой государь открылъ борьбу — рескриптомъ на имя

¹⁾ Если въ 1837 году митрополитъ Филаретъ московскій, возражая противъ мысли Уварова о соединеніи низшихъ духовныхъ школъ съ гражданскими, такъ какъ тѣ развиваютъ духъ касты, „чрезвычайно вредный эгоизмъ званія“, — писалъ, что „на слѣдствіи 1825 года чистою оказалась преданность престолу и отечеству не только православнаго російскаго духовенства, но и свѣтскихъ чиновниковъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ — никого изъ нихъ не было между прельщенными иноземнымъ зломудріемъ“ („Мнѣнія и пр.“, т. II, 393), то онъ въ подразумеваемомъ обвиненіи свѣтскихъ школъ былъ совсѣмъ неправъ.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1893, мартъ, 165.

³⁾ Юшкевичъ, 18-го декабря 1741 г.

министра Шишкова, отъ 14-го мая 1826 года, и заключилъ ее университетскимъ уставомъ 1835 года, государственнымъ актомъ для своего времени глубокаго значенія, обеспечивавшимъ правильное развитіе „ядовитаго растенія“, т.-е. просвѣщенія, „чужеземнаго идеологизма“, по выраженію Пушкина, и въ нашей холодной полосѣ. Манифестъ 14-го мая былъ выполненіемъ и старыхъ стремленій Шишкова. Въ своей рѣчи въ главномъ управленіи училищъ, вскорѣ послѣ „воспріятія правленія“ (11-го сентября), старикъ, для устраненія на будущее время „всякихъ безпорядковъ и продерзостей“ — а подъ ними онъ на первомъ мѣстѣ понималъ вызывающія дѣйствія Магницкаго, члена того же управленія — препоручалъ двѣ мѣры: кодификацію всѣхъ распоряженій министерства и на основаніи ея — изданіе *общихъ* уставовъ для всѣхъ учебныхъ заведеній ¹⁾. „Необходимое единообразіе“ уставовъ, отъ низшей школы и до университета, именно и требовалось манифестомъ 14-го мая.

Но, какъ было замѣчено выше, единообразіе уставовъ — моментъ чисто внѣшній; оно касалось интересовъ второго порядка. Были интересы высшіе — реорганизація русской школы, русскаго образованія, въ смыслѣ его *единообразія*, т.-е. единообразія внутренняго, науки, преподаванія. Это имѣлось въ виду уже въ манифестѣ 19-го декабря 1825 года, который указывалъ, что образованіе есть одно изъ лучшихъ средствъ противъ „заразы, извнѣ къ намъ принесенной“, но принесенной, какъ видѣли мы выше, помимо университета и его науки, не изъ среды науки. Школа, и во главѣ ея университетъ, при единствѣ преслѣдуемыхъ цѣлей, должны были способствовать правительству въ дѣлѣ общаго умиротворенія умовъ, „утишенія“, войти въ теченіе общегосударственныхъ интересовъ, стать „хорошимъ орудіемъ правительства“, какъ замѣтилъ однажды второй преемникъ Шишкова, авторъ самаго устава 1835 года. Эти высокія задачи открывавшейся реорганизаціи школы — реальное единство преподаванія — намѣчались и рескриптомъ 14-го мая въ исчисленіи обязанностей комитета: опредѣливъ всѣ курсы ученій, комитетъ долженъ былъ означить и сочиненія, по которымъ должно идти преподаваніе, а затѣмъ „воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадамъ“, которыя и давали поводъ къ „продерзостямъ“ Магницкихъ. Конечно, удобная и необходимая для среднихъ школъ, полная регистрація преподаванія въ университетахъ практически невыполнима: здѣсь успѣхъ и правильность преподаванія зависятъ

¹⁾ Шмидтъ, Е. Исторія средн. учебн. заведеній, стр. 176.

отъ каждаго лица отдѣльно; если назначенная книга—синонимъ преподаванія, то и самое преподаваніе излишне. Но этотъ идеальный ригоризмъ, какъ исканіе, понятенъ въ виду обстоятельствъ не столько своей, сколько жизни Германіи; самимъ правительствомъ, однако, онъ никогда не преслѣдовался, какъ свидѣтельствуется самый характеръ университетскаго устава 1835 года и послѣдующее примѣненіе его, не говоря уже о первоначальной мысли оффиціального автора устава 1835 г., гр. Уварова—поставить каждый отдѣльно университетъ въ имперіи на степень академіи наукъ, т.-е. развить свободу научнаго изслѣдованія въ Россіи до максимальныхъ размѣровъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Уваровская теорія „умственныхъ плотинъ“ противу Запада 1832 года (въ Отчетѣ о ревизіи московскаго университета) въ уставъ университетовъ не вошла, а если и объявлялась временами, то какъ частное препорученіе.

Реорганизація университетовъ имперіи въ интересахъ однообразія серьезнаго научнаго преподаванія, правильнаго воздѣйствія науки на общество, препоручалась общегосударственнымъ соображеніямъ. Но была еще одна сторона, которая прямо вопіяла о необходимости реформы университетовъ: это—*затхлая жизнь самихъ русскихъ университетовъ*, которые въ своемъ умственномъ застоѣ, апатіи, дряблости, дошли до *тахитим'а*. Долгъ правительства былъ—освѣжить, очистить и поднять развалившіяся храмины науки, влить въ нихъ новую духовную атмосферу и, конечно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, утвердить и „однообразіе“ науки, такъ какъ наука одна.

Такимъ образомъ, рескриптъ 14-го мая 1826 года, это открытіе новаго царствованія, шелъ на встрѣчу не однимъ политическимъ видамъ правительства, но также и потребностямъ самихъ университетовъ, русскаго общества, въ той мѣрѣ, въ какой для каждаго образованнаго, или ищущаго образованія общества не безразлично то или другое состояніе питомниковъ его науки.

А. Кочувинскій.

ДНИ ИСПЫТАНІЙ

— Jours d'épreuve, par Paul Marguerite *).

ИЗЪ ВЪТА ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗІИ.

VIII *).

Недѣли три спустя, Крессанъ, посоветовавшись съ женою, просилъ отпуска и, получивъ его, отправился къ своимъ старикамъ-родителямъ въ Шатольюсъ; туда же, дня два спустя, долженъ былъ пріѣхать и его молодой сослуживецъ Андрэ, будто бы проѣздомъ.

Съ невыразимымъ чувствомъ тревоги и какой-то затаенной радости бросился Андрэ въ вагонъ и покатилъ на встрѣчу тому забытому, укромному городку, гдѣ жила Туанетта Розенъ въ совершенномъ невѣденіи о томъ, что въ этотъ часъ рѣшалась ея дѣвичья судьба...

Выйдя изъ вагона, Андрэ прямо попалъ въ объятія Крессана.

— Все идетъ, какъ по маслу!—объявилъ тотъ.—Родители хоть и находятъ, что она еще слишкомъ молода, но ничего не имѣютъ противъ приличнаго, надежнаго брака... Среди дня мы пойдемъ къ нимъ съ визитомъ.

— А она?.. Знаетъ ли она, что...

— А Богъ ее знаетъ! Дѣвушекъ вѣдь не разберешь...

Какъ во снѣ, слѣдовалъ Андрэ за своимъ любезнымъ провожатымъ, и не могъ даже отдать себѣ отчета: онъ ли это? На,

---

*) См. выше: мартъ, 243 стр.

